

Железная дорога

НА ПОЛЯ:

Артисты цирка находятся в постоянных творческих командировках, в так называемом «конвейере». Согласно плану отдела формирования программ «Союзгосцирка», номера и аттракционы ежемесячно, безостановочно, передвигались по циркам страны. Зимой по стационарам, летом по шапиту. Основным средством передвижения была железная дорога.

После цирка, больше всего на свете, я любил железную дорогу. Если моей «большой родиной» был цирк, то моей «малой родиной», несомненно, была железная дорога. Покачивающийся вагон поезда был моей детской коляской. Стук колес на стыках рельсов – был моей любимой колыбельной песней. Меня убаюкивал и звук чайной ложечки дребезжащей в пустом стакане из-под чая.

За свою жизнь я, не один раз, поехал вдоль и поперек весь Советский Союз. В поезде мне всегда было хорошо и интересно. Как я любил лежать на верхней полке, часами глядя в окно. Чего только не проносилось за окном вагона: поля и степи, реки и моря, леса и горы, города и поселки. Бескрайние голубые таежные сопки Дальнего Востока и желтые пустыни Средней Азии. Железная дорога была моей живой географией. Она дала мне возможность увидеть и полюбить такой огромный и разнообразный мир моей страны.

Артисты в основном передвигались в плацкартных и купейных вагонах. Заслуженные и Народные в мягких. Но если в маршруте была пересадка с поезда на поезд (а в детстве, помню, было очень много пересадок), то приходилось садиться и в общие вагоны. В общие вагоны билеты продавали без мест. Тут главное было, успеть занять себе местечко. А народу на вокзалах, всегда было огромное количество и все с сумками, мешками, чемоданами. Толкаясь и ругаясь, толпа скапливалась около дверей вагона, ожидая команды на «штурм». Прорваться в вагон было не простым делом, особенно с нашим многочисленным багажом.

Труппа отца состояла из шести взрослых и троих детей. На случай пересадок был придуман и отрепетирован номер «Окно». Так как я был самым старшим, сильным и нахальным из детей, то мне необходимо было проскочить в вагон между мешков, локтей и ног толпы, занять купе и открыть окно. У вагонов были большие квадратные, открывающиеся вниз окна. Через окно мы обычно грузили свой багаж. Если же у подошедшего вагона были приоткрыты окна, то наша посадка называлась «Окно-короткий вариант». Вот в чем он заключался: мы с отцом делали цирковой трюк «фус-полпируэта-ноги в руки», в результате которого я оказывался стоящим ногами в руках отца, лицом к вагону. Вытягивая руки, отец поднимал меня к приоткрытому окну вагона, в которое я

быстро «просачивался» и открывал окно до конца. За мной этим же трюком влезал партнер отца, **Алексей Сухарев** с которым мы принимали малышей моего брата Лешу и дочь Сухарева **Марину**. Они сразу же становились в «оцепление», т.е. брались за руки и перегораживали вход в купе грозно пища «Занято». Мы же с дядей Лешей, принимали багаж подаваемый отцом и нашим ассистентом Сашей. Женщины, мама, **Катя Сухарева** и **Соня Исупова**, налегке проскакивали в вагон через двери. Возникали конфликты, перебранки, а иногда и рукопашный бой. И тогда в дело вступал отец, неплохой боксер, быстро улаживающий все конфликты. Вот такие «веселые» погрузки были у нас на пересадках.

Я застал разбитые и раздолбанные железнодорожные вагоны дореволюционной постройки. Я ездил в вагонах для курящих и некурящих. До сих пор помню стойкий запах «казармы» в общих вагонах.

«Пятьсот веселых» так называли пассажирские поезда, двигавшиеся очень медленно и останавливающиеся «у каждого столба». Вагоны-рестораны в поездах были не всегда, не всегда была и горячая вода в вагонах. Я видел, как помогала сноровка, скорость и ловкость, когда цирковые, с чайниками и кружками в руках, впереди огромной толпы в «пятьсот веселых» пассажиров нашего поезда, мчались на приступ единственного крана с надписью «Кипяток» на какой-нибудь маленькой станции. Потом, с полными посудинами горячей воды, народу нужно было заскочить на высокую ступеньку вагона, обычно отходящего поезда. Этот татаро-монгольский набег на «Кипяток» сопровождался криками, свистом, хохотом и матом на разных языках нашего многонационального государства. Поезд трогался, постепенно все затихало и успокаивалось, пассажиры начинали закусывать и чаевничать.

Совершенно другая картина была на фирменных поездах. «Москва-Владивосток», поезд - сказка. Новенькие, чистые, уютные вагоны. Мягкие полки, ковровые дорожки, на окнах красивые занавески. Чайные стаканы в серебряных подстаканниках. Приветливые проводники в аккуратной форме. Вагон-ресторан с огромным перечнем блюд, в который ходили кушать по сменам. Поезд больше недели шел через всю страну, и это было здорово. За свою жизнь я раз двенадцать проехал по этому маршруту. Для меня в детстве Сибирь и Дальний Восток – были территорией сказки. Где еще встретишь места с такими загадочными и веселыми названиями как Нея, Кез, Кунгур, Свеча, Козулька, Улан-Уде. Взрослые не догадывались, но я-то совершенно точно знал, что станция «Тайга», около Новосибирска была столицей всей окрестной тайги, а недалеко от нее, в поселке «Яя», жили добрые и веселые рыбаки «Яяки». Я знал, что сибирские морозы происходят из-за того, что где-то на перегоне между Красноярском и Иркутском притаилась маленькая станция «Зима». А большой сильный и бородатый хозяин края, жил на своей станции, которая так и называлась «Ерофей Павлович».

Около озера Байкал начиналась «Страна омуля», соленой и копченой рыбы, которую все очень любили.

Мне нравилось, когда состав с грохотом проносился по мосту над какой-нибудь большой рекой, а мы пересекали все крупные реки, начиная от Волги, Иртыша и Енисея и кончая реками со сказочными названиями: Селенга, Бирюса, Уссури. Я очень любил, когда поезд нырял в длинные и темные тоннели, включали свет, и мы ехали как в метро.

Мама рассказывала, что однажды, когда я был очень маленьким, мы сели в Москве в этот поезд, на следующий день я заболел, оказалось крупозное воспаление легких, в дороге переболел, а во Владивосток приехал, хотя и ослабевшим, но вполне здоровым. «Да что, поезд шел целый месяц?» - недоуменно спросил я. Оказалось, что в вагоне меня осмотрел доктор, которого вызвали на крупной станции, мне требовалась госпитализация и нас с мамой сняли с поезда и поместили в больницу. Отец с партнерами поехал дальше, нельзя было срывать премьеру во Владивостоке. А нас с мамой через три недели выписали из больницы, посадили в этот же поезд и я, веселый и здоровый прибыл во «Владик», один из моих любимых городов.

Я рос, креп, развивался, и вместе со мной росла, крепла и развивалась железная дорога. Постепенно вагоны становились все лучше, вокзалы красивее, а паровозы сменили электровозы. Так на поездах я незаметно проехал свое детство, юность, зрелость.

И если бы существовал орден «Почетный пассажир железной дороги», то все цирковые были бы его кавалерами.